

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.3>

Бурцева Елена Анатольевна, Батухтин Иван Юрьевич

"УНИВЕРСАЛЬНАЯ ИСТИНА" А. С. ПУШКИНА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О БИБЛЕЙСКИХ И КОРАНИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ СТИХОТВОРЕНИЯ "ПРОРОК"

В статье рассматривается проблема пушкинского универсализма с точки зрения миссионерской цели его поэтического творчества, о которой он заявил в своих программных стихотворениях, написанных в разные периоды. Актуализируется и проблема контекстного анализа стихотворения "Пророк" с точки зрения преломления канонических сюжетов и образов в пушкинской мировоззренческой системе. Впервые делается попытка найти новый подход в изучении классического текста, апеллируя к библейским и кораническим источникам не с точки зрения эстетической, религиозной или атеистической установок, а с точки зрения выражения поэтом "универсальной истины", связанной с последовательным проповедованием нравственно-этических принципов бытия, что было первоочередным в пушкинской системе координат.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 17-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Дата поступления рукописи: 04.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.3>

В статье рассматривается проблема пушкинского универсализма с точки зрения миссионерской цели его поэтического творчества, о которой он заявил в своих программных стихотворениях, написанных в разные периоды. Актуализируется и проблема контекстного анализа стихотворения «Пророк» с точки зрения преломления канонических сюжетов и образов в пушкинской мировоззренческой системе. Впервые делается попытка найти новый подход в изучении классического текста, апеллируя к библейским и кораническим источникам не с точки зрения эстетической, религиозной или атеистической установок, а с точки зрения выражения поэтом «универсальной истины», связанной с последовательным проповедованием нравственно-этических принципов бытия, что было первоочередным в пушкинской системе координат.

Ключевые слова и фразы: А. С. Пушкин; Коран; Библия; литературная деятельность; поэзия; канонический текст; контекст; романтизм; поэтический образ; лирический герой.

Бурцева Елена Анатольевна, к. филол. н., доцент

Батухтин Иван Юрьевич

Башикирский государственный университет (филиал) в г. Бирске

elena-burceva@mail.ru

«УНИВЕРСАЛЬНАЯ ИСТИНА» А. С. ПУШКИНА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О БИБЛЕЙСКИХ И КОРАНИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПРОРОК»

В своей знаменитой работе «Нулевая степень письма» Р. Барт назвал писателей, относящихся к литературе до 1850 года, «выразителями универсальной истины» [2, с. 52]. Литература до 1850 года соответствует периоду «золотого века русской поэзии», когда творили такие гиганты, как В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, не только обогатившие отечественную поэзию, но и изменившие мировоззрение русского человека первой половины XIX века.

В русской литературе «выразителем универсальной истины» в первую очередь является А. С. Пушкин, преобразовавший всю свою литературную деятельность в некое служение и выражение этой «универсальной истины», которую можно определить формулой/триадой «красота-свобода-гуманизм» (у В. Непомнящего «тройственное единство истины, добра и красоты» [9, с. 111]):

И долго буду **тем** любезен я народу,
Что **чувства добрые** я **лирой** пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я **Свободу**
И **милость** к падшим призывал [11, с. 586].

Так точно и безупречно поэт подвел итог своему жизненному и творческому бытию в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», написанном в последнее в его жизни мучительное лето 1836 года. Но ровно за десять лет до этого он пишет стихотворение «Пророк», созданное в не менее драматичный для него жизненный период. Организаторы восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года повешены, находившийся в немилости поэт возвращен из ссылки, и теперь он стоит на «перепутье», когда необходимо сделать жизненно важный выбор. Скорее всего, этот выбор касался не просто поиска ответа на вопрос «как жить дальше?». Выбор был связан с решением, к какому лагерю примкнуть: верноподданных, поддерживающих власть, или к оппозиции, к которой А. С. Пушкин причислял себя со времени окончания Лицея. Поэт делает очевидный для себя выбор – остаться с Поэзией, не являющейся для него ни средством к существованию, ни поводом заявить о себе, достигнув славы. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует письмо, написанное поэтом по совету П. А. Вяземского новому императору из Михайловского, в котором Пушкин просит Николая I отпустить его лечиться «в Москву, или в Петербург, или в чужие края», с припиской на отдельном листе: «Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь никаким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них» [10, с. 234-235], вызвавшей у того же Вяземского упреки в «холодности и сухости» [Там же, с. 236]. Хотя даже она (приписка), видимо, заставила Пушкина чувствовать себя неловко и раскаиваться в написанном, иначе бы в ответном письме Вяземскому он не заметил: «Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы» [Там же]. В том, что «перо не повернулось бы», не приходится сомневаться, ведь чуть ранее Пушкин писал В. А. Жуковскому: «Теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, и с ним я готов условиться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня» [Там же, с. 223]. Резкий тон в письме к Жуковскому лишний раз свидетельствует о том, что для Пушкина было крайне важным сохранение своей личной свободы, потому что он считал, что поэт может быть поэтом только будучи внутренне свободным. Поэзия имела для Пушкина сверхзначение, потому что она ощущалась некой миссией, о которой поэт знал всегда, но только теперь впервые заявил о ней так четко, громко и откровенно в «Пророке»:

И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» [11, с. 385].

В пушкиноведении проблема анализа стихотворения «Пророк» существует либо в плоскости утверждения/опровержения парадигмы «поэт-пророк», либо в плоскости доказательства контекста – библейского или коранического. Плоскость «выразительности универсальной истины» в контексте поэтического и человеческого мировоззрения поэта – не рассматривается, хотя именно она, на наш взгляд, полнее всего передает основную идейный замысел стихотворения.

Традиционно считается, что стихотворение «Пророк» А. С. Пушкин написал по мотивам 6 главы библейской книги пророка Исаии [13, с. 384], в которой говорится: *«1 В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. 2 Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. 3 И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! 4 И поколебались верхи врат от гласа восклицających, и дом наполнился курениями. 5 И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. 6 Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, 7 и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. 8 И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня. 9 И сказал Он: поиди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. 10 Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. 11 И сказал я: надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет. 12 И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле. 13 И если еще останется десятая часть на ней и возвратится, и она опять будет разорена; но как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее»* [3, с. 679].

Процитированный текст имеет явные языковые параллели с текстом стихотворения и дает представление об источнике «Пророка». Но возможно ли считать библейский текст единственным источником, ведь пушкинская мысль выражена не только более масштабно, но и с явным уклоном в свою собственную интерпретацию миссии пророка? Если в библейском тексте есть откровенный намек на бессмысленность миссии, народ «не уразумеет сердцем» и не исцелится, что приведет к тому, что «удалит Господь людей и великое запустение будет на этой земле», то пушкинский текст заканчивается на обретении лирическим героем пророческого дара и провозглашении самим творцом его миссии. Поэт явно переосмыслил канонический текст и сделал из него свои собственные выводы. Что способствовало такому переосмыслению и сподвигло его к оригинальной трактовке канонического сюжета?

В пушкиноведении достаточно давно высказываются предположения о том, что анализ стихотворения «Пророк» вне коранического контекста является неполным (Н. Свиринов «Подражание Корану» Пушкина» [12], П. Алексеев «Стихотворение А. С. Пушкина “Пророк” в кораническом контексте» [1]). Б. Томашевский, комментируя цикл «Подражание Корану», заметил: «Тема первого подражания позднее развита в “Пророке”» [13, с. 373]. Попробуем более подробно остановиться на этом замечании и найти в Коране источник, который мог бы заинтересовать поэта и отразиться в текстовом пространстве «Пророка», а также определить, почему поэт пошел по пути слияния двух разных религиозных систем, выраженных в древнейших литературных памятниках народов.

То, что Пушкин читал Коран, – неоспоримый факт. Написанный в 1824 году цикл «Подражание Корану» свидетельствует о том, что он не просто читал этот религиозный текст, но читал его с особым вниманием и интересом. Этот интерес, скорее всего, не связан с вдруг пробудившейся религиозностью поэта, хотя до-революционные исследователи интерпретировали это именно так (Н. Котляревский [8], Н. Черняев [14]). Интерес к Корану можно связать с тем фактом, что в эпоху романтизма европейская культура не только освобождалась от давления классицизма, неразрывными узами связанного с античностью, но и вместе с освобождением от этих уз почувствовала интерес к восточной культуре, более экзотической, менее изученной и, следовательно, дающей простор для исследования и творческого воображения. Интерес к Востоку в Европе был связан и с творчеством Байрона, «властителя дум» нескольких поколений. Пушкин конечно же не остался в стороне от всеобщего восхищения байроновскими «Восточными поэмами», пронизанными экзотическим колоритом и многочисленными кораническими реминисценциями. Таким образом, Коран, вполне возможно, стал первой религиозной книгой, которую Пушкин читал с интересом исследователя-первооткрывателя, тем более что Коран к 20-м годам XIX века трижды был переведен на русский язык (перевод 1716 года, приписываемый Д. Кантемиру, 1790 года М. Вережкина и 1792 года А. Колмакова), хотя, конечно, Пушкин мог быть знаком и с более ранним французским переводом Корана 1782 года К. Савари (в пушкинской библиотеке сохранилось французское издание Савари 1828 года).

Еще Г. Гуковский заметил, что для Пушкина «Библия и Коран интересны вовсе не как культовые книги, а как памятники культуры, быта, понятий и поэзии...» [5, с. 288]. С этим нельзя не согласиться, ведь в письме из Одессы весной 1824 года В. К. Кюхельбекеру Пушкин написал: «...читая Шекспира

и Библию...» [10, с. 96], – что свидетельствует о том, что Библия для Пушкина была, прежде всего, источником этико-эстетических впечатлений и знаний, таких же знаний о закономерных процессах жизни и искусства, какие он черпал и в Шекспире (подробнее о значении Шекспира и его влиянии на свое творчество поэт написал в предисловии к драме «Борис Годунов»). Знакомство с Кораном позволило Пушкину убедиться в неизменности этических норм для всех эпох и народов (в Примечаниях к «Подражанию Корану» он отметил: «...многие нравственные истины, изложены в Коране сильным и поэтическим образом») [11, с. 326]. «Не убий», «не укради», «презирай обман», «люби сирот», «твори щедрую милостыню» – эти истины оказались «универсальными», а не свойственными только христианскому мировоззрению. При этом многие суры Корана пересказывают библейские сюжеты, и это стало для поэта еще одним свидетельством единства культур, что позволило ему свою концепцию милосердия и гуманизма выразить в образе пророка, который объединил и на сюжетном, и на идейном, и на лексическом уровне только на первый взгляд две разные идеологии. В «Пророке» Пушкин сделал акцент на объединяющих моментах. Известный библейский сюжет об Исаии переключается с сюжетом о мусульманском пророке Мухаммеде, который провел в пустыне много времени «духовной жаждой томим» в поисках ответа на волнующие его вопросы, пока к нему не пришел посланник Бога и не заставил его принять божественные истины, чтобы нести их в мир. Это «принятие» было болезненным и насильственным («Как труп в пустыне я лежал»): «1. Мы разве не раскрыли грудь твою?» (Сура 94). Согласно Корану, пророков, через которых Господь являл миру свою волю, было множество, Мухамед стал последним из них. Важно отметить, что пророк был просто человеком, который не умел даже читать («В пустыне мрачной я влачился»). Наделить даром пророка именно простого человека было необходимо для того, чтобы сделать передачу божественных откровений более доступной, давая простые, понятные объяснения законам жизни, которым, согласно божьей воле, человек должен следовать. В комментарии к Корану об этом написано следующее: «Важно, что Господь возводит посланников Своих из популяции самой общины, с тем, чтобы сделать доступной передачу Откровений, дать им простое объяснение, не мудрствуя лукаво. Ведь Истине, т.е. подлинному знанию, соответствует простой и естественный способ изложения, потому как она – достояние всех людей без исключения. Неясное, чересчур сложное, загроможденное ненужными деталями изложение Истины не что иное, как ловкое умение прикрасить свои собственные изъяны в познании» [6, с. 694]. Интересно, что Пушкин в «Пророке», если согласиться, что это стихотворение имеет и коранический контекст, не использует специфической мусульманской лексики, заменяя ее знакомой для русскоязычного читателя лексикой церковно-славянской. Но это не становится библейской приметой стихотворения, потому что Пушкин пошел на эту замену и не с целью приблизить экзотический сюжет/текст к восприятию российского читателя, а с целью показать универсальность как встречи с божественным чудом/преображением, так и универсальность моральных принципов, которые одинаковы для всех народов во все времена.

В статье «Мудрость Пушкина» М. Гершензон указал на неслучайность в «Пророке» рассказа от первого лица, более того, исследователь считал: «Эти удивительные строки надо читать с суеверным вниманием, чтобы не упустить ни одного признака... Показание Пушкина совершено лично, и вместе вневременно и универсально; он как бы вырезал на медной доске запись о чуде, которое он сам пережил и которое свершается во все века...» [4, с. 22]. Автор поэтического переложения Корана на русский язык Т. Шумовский выказал очень интересную мысль, которая, на наш взгляд, в какой-то степени созвучна мнению Гершензона о «личном», «пережитом», «свершенном»: «Не нужно считать Коран мистическим произведением. Да, он сотворен по вдохновению свыше. Да, его создал ум, слышавший в себе голос Бога, передавший людям Божественное Слово. Но этот ум принадлежал земному человеку, жизнь которого пролегла между 570 и 632 годами европейского летоисчисления...» [7, с. 532]. И здесь хотелось бы добавить – не просто «земного» человека, но человека необыкновенно талантливого, сумевшего передать «Божественное Слово» через поэзию. Отвечая на вопрос о том, какой источник в Коране смог так заинтересовать поэта, что он посвятил трактовке этого литературного памятника цикл стихотворений и более того – связал с ним одно из своих программных стихотворений – «Пророк», следует отметить, что заинтересовавший поэта источник был сам поэтический строй Корана. Неслучайно «аяты» Корана переводятся и как «коранический стих», и как «чудо», что полностью соответствует божественной, а стало быть, чудесной, необъяснимой, мистической природе творчества и вдохновения. Неслучайно творец – он же – демиург, и этим определением обозначают и творца-бога, и творца-поэта. Оригинальное поэтическое изложение религиозного текста не могло не заинтересовать поэта именно поэтичностью изложения и не могло не послужить стимулом для самостоятельного творчества.

Отвечая же на вопрос, почему Пушкин пошел по пути слияния в «Пророке» двух разных религиозных, противоречащих друг другу и на первый взгляд враждебных систем, стоит отметить, что, познакомившись абсолютно беспристрастно и объективно с каноническими религиозными текстами христианства и ислама, Пушкин как мыслитель, философ, историк не мог не прийти к определенным умозаключениям, которые и выразил в стихотворении путем объединения сюжета и идеи. Пророк, наделенный божественным даром пророчества и правом наставления, выполняющий миссию «глаголом жечь сердца людей», а стало быть – направлять их, нести им слово истины – добра, красоты, гуманизма, – это универсальный образ, раскрытый в Библии и Коране, он полностью соответствовал той задаче, которую и сам поэт выполнял в своей жизни: посредством литературы влиять на общество, делая его более гуманным, милосердным, восприимчивым к красоте во всех ее проявлениях. Это и стало «универсальной истиной» Пушкина, которой он служил на протяжении всего своего творчества.

Список источников

1. **Алексеев П. В.** Стихотворение А. С. Пушкина «Пророк» в кораническом контексте // Пушкин и время. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. Вып. 6. С. 16-30.
2. **Барт Р.** Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. 430 с.
3. **Библия.** Л.: Лениздат, 2006. 1246 с.
4. **Гершензон М.** Мудрость Пушкина. М.: Т-во «Книгоиздательств Писателей в Москве», 1919. 229 с.
5. **Гуковский Г.** Пушкин и русские романтики. М.: Художественная литература, 1965. 319 с.
6. **Коран.** М.: Аванта+, 2002. 787 с.
7. **Коран:** поэтическое переложение / поэтический пер. с араб. Т. Шумовского. СПб.: Моби Дик, 2010. 541 с.
8. **Когляревский Н. А.** Пушкин как историческая личность. Берлин: Научная мысль, 1925. 260 с.
9. **Непомнящий В.** Поэзия и судьба. М.: Советский писатель, 1983. 368 с.
10. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1962. Т. 9. Письма 1815-1830. 495 с.
11. **Пушкин А. С.** Сочинения: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 1. 734 с.
12. **Свирин Н.** «Подражание Корану» Пушкина // Звезда. 1936. № 8. С. 222-242.
13. **Томашевский Б. В.** Примечания // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 2. Стихотворения, 1820-1826. С. 353-389.
14. **Черняев Н. И.** Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков: Южный Крым, 1900. 646 с.

A. S. PUSHKIN'S "UNIVERSAL TRUTH": TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM OF BIBLICAL AND KORANIC SOURCES OF THE POEM "THE PROPHET"

Burtseva Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Batukhtin Ivan Yur'evich

Bashkir State University (Branch) in Birska

elena-burceva@mail.ru

The article deals with the problem of Pushkin's universalism from the point of view of the missionary goal of his poetic creativity, which he stated in his policy poems written in different periods. The problem of the contextual analysis of the poem "The Prophet" is also actualized from the point of view of canonical plots and images' perspective in Pushkin's world outlook system. For the first time an attempt is made to find a new approach to the study of the classical text appealing to Biblical and Koranic sources not from the point of view of aesthetic, religious or atheistic attitudes, but from the point of view of the poet's expression of "universal truth", associated with consistent preaching of the moral and ethical principles of being, which was the first point in Pushkin's coordinate system.

Key words and phrases: A. S. Pushkin; Koran; Bible; literary activity; poetry; canonical text; context; romanticism; poetic image; lyrical character.

УДК 821.512.141

Дата поступления рукописи: 04.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.4>

В 30-е годы XX века башкирская проза прошла путь от иллюстративного и схематического показа жизненных явлений к их типизации, к созданию полнокровных живых характеров, глубокому проникновению во внутренний мир человека, искусству пластического изображения образов, поднялась на более высокий уровень отображения исторического прошлого и современности. В первых башкирских романах А. Тагирова «Солдаты», «Красногвардейцы», «Красноармейцы», Д. Юлтыя «Кровь», И. Насыри «Кудей» и повестях Х. Мухтара «Перед бурей», Б. Хасана «Пламя в степи», И. Кусянкулова «Бурные дни», М. Гафури «На золотых приисках поэта», А. Карная «Мы вернемся» нашли отражение такие масштабные социально-общественные события, как Первая мировая война, Октябрьская революция, годы гражданской войны, и воссозданы образы борцов за новое мироустройство.

Ключевые слова и фразы: историко-революционная проза; хронология; сюжет; композиция; повествование от первого лица; автобиографизм; мемуарность; герой.

Гареева Гульфира Нигаматовна, д. филол. н., доцент

Башкирский государственный университет, г. Уфа

gareevagulfira@mail.ru

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКИХ РОМАНОВ И ПОВЕСТЕЙ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Башкирская проза 30-х годов характеризуется утверждением монументального жанра романа: в 1932 году издаются «Солдаты» А. Тагирова, в 1934 году первая книга романа «Кровь» Д. Юлтыя, в 1936 году «Кудей» И. Насыри и диалогия А. Тагирова «Красногвардейцы» и «Красноармейцы», вторая книга романа «Кровь» Д. Юлтыя.